

Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации

Ивановский государственный университет

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ШТУДИИ

Сборник научных трудов

Выпуск 2

Иваново
Ивановский государственный университет
1998

ПОЭТИКА ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В "ПОВЕСТИ О СВЕТОМИРЕ-ЦАРЕВИЧЕ" ВЯЧ. ИВАНОВА

"Повесть о Светомире-царевиче. Сказание старца-инока" — итоговое произведение, воплощающее и объединяющее многие идейные и художественные взгляды Вяч. Иванова. О мировоззрении художника, о системности его символов и противоречиях в религиозных взглядах писали Н. А. Бердяев, С. С. Аверинцев, Н. К. Гей¹. Нас же интересуют частные аспекты художественного метода, относящиеся к своеобразию языка "Повести...", — характер отношения имени собственного и текста, а также связанное с этим ритмико-звуковое построение образов. Мы рассмотрим процесс развертывания имени в художественный образ, в сложный комплекс звуковых, ритмических и семантических образований.

Повесть написана архаической ритмизованной прозой, и язык ее, до известной степени, стилизован. Однако необходимо помнить об условности этого определения: "До предела, до отказа насыщенная славянизмами лексика поэзии, да и прозы Вяч. Иванова, — отмечает исследователь, — не литературный фокус, но адекватное выражение мировоззренческого принципа: она служит созданию, так сказать, словесной иконы Святой Руси"². Филология под пером художника становится сакральной лирической стихией. "Он живет в очарованиях языка, — писал об Иванове Н. А. Бердяев, — в очарованиях слов как в самостоятельном, замкнутом бытии, который не тревожат никакие течения безмерного первичного бытия, самой перво-жизни"³. Поэтому мы должны идти к пониманию "Повести..." изнутри ее языка.

Имя для Иванова ценно само по себе. Перенесенное в текст, оно сохраняет всю полноту своего исторически сложившегося

© В. В. Кораблев, 1998

¹ *Бердяев Н. А.* Очарование отраженных культур // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М., 1994. Т. 2; *Аверинцев С. С.* Разногласия и связность мысли Вяч. Иванова // Иванов В. Лик и личности России. М., 1995; *Он же.* Системность символов в поэзии Вяч. Иванова // Контекст, 1989. М., 1989; *Он же.* Поэзия Вяч. Иванова // Вопр. лит. 1975. № 2; *Гей Н. К.* Имя в русском космосе Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в скобках с указанием страницы, перед которой стоит буква "Г".

² *Аверинцев С. С.* Разногласия и связность мысли Вяч. Иванова. С. 16.

³ *Бердяев Н. А.* Указ. соч. С. 391.

значения⁴, оно полнсемично и энергично. "В имени, — пишет Н. К. Гей, — сходятся бытийственные, исторические и онтологические линии образности и смыслов произведения, столь многомерно-многоликого" (Г, 198). Образ начинается со звуков имени, развивается под влиянием его семантики, изменяется вместе с ним. В имени воплощается вся полнота образа и энергия его движения. "В случае Вяч. Иванова акт наименования ("Как наречеша, так и обречеша"⁵) становится актом постижения глубинных мировых сущностей. Корни имени уходят в язык, в миф, религиозные представления и культы, набирая соки и силы в культурных и историсофских коннотациях" (Г, 200). Мы привели столь обширную цитату потому, что в дальнейшем анализируются исключительно ритмико-звуковые особенности образов и не затрагивается мета-художественная природа повести, которую подробно рассматривает Н. К. Гей.

В повести нет доминирующего звукообраза, подобного тому, какой выделяют Вяч. Иванов и П. Флоренский в "Цыганах" А. С. Пушкина⁶. Язык для Иванова — соборная среда, растворение единичности в единстве, но он чутко откликается на звучание имени, пытается раскрыть через ритм и рифму, звуковые ассоциации и омонимию всю полноту возможного значения. В этом остатки "темных глоссолалий"⁷ — отзвуки душевных переживаний, особый психологизм, в отсутствии которого упрекал Иванова Н. А. Бердяев⁸. Это психологизм, идущий из языка, из музыкальной стихии, заключенной в ритме и звуке. Имена оживают, когда появляется "момент связанности одного слова с другими словами — имя несет на себе смысловую энергию всего предложения"⁹.

"В белом царстве, христианском государстве держал власть царь Володарь" (459) (здесь и далее в цитатах выделено мной. — В. К.). Из девяти слов в предложении шесть, так или иначе, содержат значения "власть", "владеть", "держать". Далее эта традиционная сказочная формула разворачивается в длинном периоде, где семантика "владеть" уточняется и углубляется. В отрывке отчетливы повторы звуков

⁴ См.: Кривушина Е. С. Поэтика имени собственного // Творчество писателя и литературный процесс. Иванова, 1993; см. также: Флоренский П. А. Имена // Флоренский П. А. Мал. собр. соч. М., 1993. Вып. 1.

⁵ Иванов В. Повесть о Светомире-царевиче // Иванов В. Лик и личины России. М., 1995. С. 472, 476, 565. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием в скобках страницы.

⁶ Иванова В. О "Цыганах" Пушкина // Иванов В. Лик и личины России; Флоренский П. А. Указ. соч. С. 15–20.

⁷ Иванов В. К проблеме звукообразов у Пушкина // Иванов В. Лик и личины России. С. 243.

⁸ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 372.

⁹ Лосев А. Ф. Философия имени // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 30.

"в", "о", "д", "л" — имя расцвечивает ткань стиха своим звучанием, наполняя собой все предложение: "В его руке утвердилось державство, и возвеличилось, и простерлось владычество его на восток солнца и полдень и запад и полночь дадече, и имя его наполнило Всецеленную; а народ работал на державу, и негда земдя тяготы царства" (459). Здесь, в первой главе, развернуто содержание имени "Владарь — Володарь". По сути дела, это краткое изложение повести о Владаре-царе, дальше должна начаться история Светомира. Однако цель автора другая. Мы узнаем о ней в начале третьей книги "Повести...", которая сюжетно и есть начало повествования о Светомире. Так зачем же нужен круг во времени от Егория Храброго до обретения Володарем державства и рождения Светомира? Вот ответ старца-инока: "Деесписателям царства державных дел память беречь и гласить славу, им Володаря на войне и в мире пот поведать. <...> Нам же Промысла Божия в житии Володаревом водительство, и благодати духовной в царевом сердце изначала воссияние, последи ущерб, с ним убо и державы обмирщение, наипаче же Светомирова на земле подвига и пыганий и страстей многих повествовать надлежит" (516). Таким образом, в книгах первой и второй рассказывается об исполнении Володарем Промысла Божия, испытания, данного ему при рождении в имени "Лазарь" (кроме значения "нищий", "слепец", "убогий", имя отсылает нас к двум библейским легендам: о воскрешении Лазаря и о двух братьях Лазарях). В "Повести..." Лазарь идейно связан прежде всего с первой легендой. "Как наречени, так и обречени". Как предречено герою носить имя "Володарь", так и в бытии Лазарем обречен он умереть и воскреснуть. История героя выстраивается по этому сюжету с тем вариантом, что вместо Христа выступает св. Егорий.

Интересен прием, с помощью которого актуализируется провиденциальность семантики имени — перевод собственного имени в нарицательное. Иванов использует его по отношению к именам двух героев: Лазаря и Отрады: "Думала, сын твой Владарь, а он как наречен лазарем (так!), таков и вышел: сиречь не Владарь, а убогий Лазарь" (476). Так обнажается семантика и в очередной раз подчеркивается связь судьбы героя и его имени.

Перелом в жизни Лазаря связан с моментом переименования. Пройдя испытания, герой добивается предреченного ему до рождения имени. Володарь — это уже человек иной судьбы, родившийся, когда Лазарь исполнил свою функцию. О подобной духовной метаморфозе о. Сергей Булгаков писал: "Если именование есть момент рождения, то переименование есть новое рождение, предполагающее либо смерть старого, либо во всяком случае духовную катастрофу, изменение не темы, по типу"¹⁰. В какой-то момент Вяч. Иванов до-

¹⁰ Булгаков С. И. Философия имени. Париж, 1953. С. 170.

водит различие Володаря и Лазаря до диалогичности: "Умолк Радивой, и вздохнул из уст Володаревых Лазарь Отрадин: "Амины!" (475)

У других героев нет подобного изменения — имя в миру и имя, данное при крещении, у них совпадают: Ефросинья (от греч. "радость", "отрада") — Отрада; Светомир — Серафим ("огненный ангел"). У прочих героев мы знаем только мирское или духовное имя.

С именем "Лазарь" связана широкая звуковая и цветовая палитра. В звуковых ассонансах и внутренних рифмах раскрываются тонкие семантические нюансы имени, равно как и психологическое движение души героя. Вяч.Иванов пользуется приемами "народной этимологии", которые (с помощью внутренней рифмы) отмечают в имени "то или другой отдельный признак или некоторое небольшое число их... очень метко и неслучайно подметренными носителями данного имени"¹¹.

Проследим это по тексту "Повести...". Вот искушение Лазаря и дерзкая насмешка беса — высмеивание имени героя и, одновременно, проникновение в темные тайники его души: "Ай, лих ты, Лазарь-пролаза! Хитро домекнул, как волчью утробу насытить, и овечьей шкуры с хребта не спустить. Ай да Лазарь-лазун!" (473)

Это один тон звучания имени. А вот ласковая прония маленькой Отрады, построенная на тонком обыгрывании звуков имени "Лазарь": "Журида его тоже да корида, смеючись за убожество. Сиднем-деждем обзывает, байбаком десным, десным боярином-дежебокой, что жиру себе за лето нажил, да лапу себе в берлоге и сосет, за зиму с боку на бок повернется, и то в содницеворот" (479). Все это по-разному интонированное, но смеховое звучание имени. Иное, сакральное его звучание наблюдается в песнях Отрады, корни которых в русских духовных песнях: "Лазарь ты Лазарь! Убогий мой братец! Пусти меня, Лазарю, во светлу горенку! Набрала я Лазарю, набрала убогому, на лужайке цветиков, Лазарю лазоревых!" (484) Имя, в силу звуковых ассоциаций, получает новое наполнение, связанное с символическим значением лазоревых цветов: это и "лазоревые цветики", и "лазоревая завеса Рая" в Отрадиной песне о Рае, и "лазоревая схи-ма" (490, 508). В сцене воскресения Лазаря происходит слияние цвета и имени героя: "мысли Лазоревы". Вся сцена озвучена ласковым "л", который вводит в поле имени все новые и новые символы. Имя наполняется энергией голубого цвета, усиливающего небесность лазоревых: "И не былдо уже в покое старца: по, как дым кадильный, наполнида покой с благоуханнем тонким голубизна очам сладостнада, и выступида из той голубизны на мгновение ова Отрада, и мдаденец был на руках у нее. И воззред мдаденец на Лазаря очами темными, ладекими, но все покрыла водна голубая. И смешида мдада Лазоревы в восторге блаженном" (509).

¹¹ Флоренский П. А. Указ. соч. С. 30.

Лазарь-Володарь — сложный и наиболее выписанный образ. Из оставшихся героев мы не можем пройти мимо образа Отрады (во крещении Ефросинии). Путь героини — исполнение Промысла Божия: желание пострижения и тихой молитвы и — обречение на подвиг в миру, на бытие Отрадой Лазаревой. По замыслу она — воплощение, явление в миру умершей Гориславы. Однако различны имена — различны и судьбы, различна и звуковая обрисовка. "И сидючи у ручья под ракитою, на ясной прогалине, вдруг грозно и протяжно запела Горислава жуткую песню, игрищую, не по отце плач, не по женихе жаль" (468). Грустные "г" и "р" и в то же время игрищные "г" и "р".

У Отрады иной звукоряд: преобладание чистого "а", теплого "т", мягкого, рокошущего "р": "Отроковица светлая и пригожая... очи светлоносные, ясные и важные." <...> И долу потупивши тихие вежды, длинными отененными ресницами, прдма и тверда, и тут же застыдилась, отступила и поодаль стала" (485).

Образы остальных героев равны своему имени и действуют под влиянием его семантики: старец Парфений (от греч. "девственный", "честный") — духовный наставник Отрады; священномонах Мелетий (от греч. "забота"), проявивший внимание к убогому Лазарю; ученик его, мудрый Епифаний (от греч. "видный", "знатный") — советник Володарев. Таким образом, справедливы слова Н. К. Гея о том, что "мир Вяч. Иванова собирается в смысловом мерцании слов-имен, но при этой множественности содержательно-смысловых аспектов номинаций он стремится стать целым" (Г, 205). Концептом целого является имя "Светомир" — смысловое ядро произведения. Н. К. Гей подробно анализирует это имя, поэтому мы не будем специально останавливаться на нем. В русле нашего исследования и в доказательство положения Н.К.Гея укажем лишь звукообраз Светомира. Рождение героя озарило светом мир, а в языке стал преобладать звук "с": "Родился Светомир на староселье Горыньском, в обедни Рождества Пресвятые Богородицы" (516). Родился он в день победы "пресветлой": "Тако славили: Днесь сокрушил еси злобы агарянской столп, и свет мира твоего знаменовался на нас" (516).

Можно много еще говорить о смысловой нагрузке имен собственных в данном тексте. Образ у Вяч.Иванова сконцентрирован в имени, которое организует его на всех уровнях: это и звук, и ритм, и идея. Имя включает в себе энергию становления образа, органически входя в язык "Повести..." и служа созданию словесной иконы Святой Руси.